

В. Е. Триодин

Книжник-интеллигент А. В. Соколов

В статье исследуется вклад профессора А. В. Соколова в гуманитарную мысль. А. В. Соколов разработал метатеорию социальной коммуникации и теорию библиотечно-информационной деятельности. Он изучил и объяснил феномены социально-культурной деятельности, информационного общества, заложил основы новой научной дисциплины – интеллигентоведения. Научно-просветительная деятельность А. В. Соколова оказала влияние на библиотечную жизнь страны. Разработанные им курсы включены в число базовых профессиональных дисциплин на библиотечных факультетах вузов культуры и искусства.

Ключевые слова: А. В. Соколов, информационное общество, демократизация библиотечной жизни, подготовка и переподготовка библиотечных работников

Vladimir E. Triodin

Scribe and intellectual Arkadiy Vasilevich Sokolov

In article the contribution of professor Arkadiy V. Sokolov to humanitarian thought is investigated. Arkadiy V. Sokolov developed a metatheory of social communication and the library information activities theory. He studied and explained phenomena of welfare activity, information society, laid the foundation for new scientific discipline – an intelligentology. Arkadiy V. Sokolov's scientific and educational activity has impact on library life of the country. The developed by him ideas are included in number of basic professional disciplines at library faculties of higher education institutions of culture and art.

Keywords: Arkadiy V. Sokolov, information society, democratization of library life, preparation and retraining of library workers

1. Великий перелом

В нынешнем году университет отмечает свой 95-летний юбилей. «Отечество нам Царское Село», – писал Пушкин о Лицее. Отечество нам Дом на набережной, – повторяют вслед за поэтом все, кто в нем преподавал и учился. Отметить юбилей – значит рассказать о знаковых фигурах университета, о тех, кто внес свой вклад в формирование России как великой культурной державы.

У каждого – свои герои. Для меня печатью избранничества помечен Аркадий Васильевич Соколов – живой классик всяя Руси Библиотечной. Доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры, заслуженный деятель науки.

Соколов из тех ученых, которых пора заносить в «Красную книгу» культуры как исчезающий вид. Талант украшает его, как красота женщину. Кажется, будто о нем сказал Пастернак: при жизни переходит в память его признавшая молва. С Пастернаком они, кстати, родились в один день – 10 февраля. Бывают странные сближения...

Об ученом принято рассказывать, прежде всего, как о носителе научных концепций. Я хочу нарушить сложившуюся традицию и познакомить читателя с некоторыми страницами его

биографии. Потому что токи педагогического воздействия исходят не только от его реформаторских идей, но и от прожитой жизни.

В библиотечный мир Соколов пришел не сразу. В своей «первой жизни» он был инженером, даже дважды инженером. У него дипломы инженера-электрика и инженера-радиотехника двух самых элитных военно-технических вузов. И он успешно работал на Кировском заводе в прославленном танковом конструкторском бюро, пока в грохоте военно-промышленного комплекса не услышал властный голос библиотечной музыки. Конечно, это была не случайность, а закономерность. «Судьба» – как сказали бы в старину. И кровь (гены) мамы. Хотелось бы, чтобы читатель знал это имя – Надежда Федоровна Соколова (1903–1973). Она была профессиональным библиотекарем, многолетним директором библиотечного техникума Ленинграда. Соколов всегда был книгочеем. Он внутри себя создал библиотеку. Внутренняя книга как поиск себя определила и реперные точки его жизни.

Итак, в биографии Соколова 1960 г. стал годом «великого перелома». Он переступил порог Книжного Храма – Ленинградского, тогда еще Библиотечного, института. Началась научно-педагогическая траектория его жизни.

О природе таланта сказано много. И дар

Неба, и гены, и социальные условия. Все так. Но я давно уже заметил, что талант плодотворно прорастает там, где физик возвращает в себе лирика. Неслучайно, ведь, Эйнштейн играл на скрипке и в вальсах Баха искал отражение теории относительности.

Звезда Соколова взойшла тогда, когда он гуманитарный мир библиотеки соединил с инженерно-техническими достижениями. Когда кандидат технических наук стал доктором педагогических наук.

2. Возмутитель спокойствия

К 60-м гг. XX в. техническое вооружение библиотек было как во времена парусного флота. Кажется, нигде человек не ощущал себя так беспомощно, как перед грудой печатной продукции. Изобрести новый велосипед представлялось проще, чем удостоверить, что кто-то когда-то его уже придумал.

Надо ли удивляться, что первая же публикация молодого аспиранта стала, по существу, манифестом библиотечной жизни. Назревает революция в библиотечном деле, – писал Соколов. – Жизнь требует коренной перестройки методов хранения и поиска литературы. Ключевой проблемой является создание «машинного языка».

Соколов открыл новую проблематику в отечественной науке – механизированные информационно-поисковые системы.

В возрасте Христа (ему было всего 33 года) он возглавил единственную в то время в системе библиотечного образования кафедру научной информации. Она стала локомотивом перестройки, реорганизации, экспериментов и реформ библиотечного мира. Из недр кафедры вышла лаборатория технических средств обучения, радиоузел, радиовещание, управление АСУ, а, самое главное, – новые научно-информационные дисциплины в гуманитарном вузе.

Соколов организовал научно-исследовательский сектор института, стал его научным руководителем или, если угодно, «крестным отцом». НИС выполнял двадцать лет функции коллективного конструктора ряда автоматизированных систем научно-технической информации, разработчика семейства информационно-поисковых тезаурусов. Это был очаг, где «понюхать» исследовательский порох могли студенты и аспиранты, где педагоги-тяжеловесы апробировали свои гипотезы.

И все-таки главным делом жизни Соколова была педагогика. Соколов – педагог от Бога. Он владеет магией слова, умеет «власть держать над полным залом» (Б. Окуджава). Как профес-

сор, он не столько должностное лицо, сколько представитель особого мира духа, которому дана сила преобразить студентов. От него ждут ответов на вечные вопросы, видят в его нравственной и общественной позиции образец достойной жизни.

Тем внимательнее надо вслушаться в то, что говорит маэстро «золотых» лекций. Монологичность, – убежден он, – беда современного образования. Педагогика по природе своей диалогична. Где нет кровотока сцены и зала, аудитории и педагога, – там нет учения. Соколов мог бы повторить вслед за Высоцким гимн той школе, «где учатся – все, где учитель – сам в чем-то еще ученик».

В плоть и кровь Соколова вошло учение И. Хейзинги. Нидерландский культуролог обогатил понимание человека не как существа разумного, а играющего (Homo Ludens). Ученый утверждал, что великие движущие силы культурной жизни корнями уходят в почву игрового действия. Игра доставляет человеку психологическое удовольствие. «Ноу-хау» Соколова в вузовской педагогике – введение элемента игры в преподавание. Подпитанное игрой обучение превращается из тягостной обязанности в учение с увлечением, радостное учение, учение-праздник.

Соколов обогатил вузовскую практику научно-художественными семинарами, олимпиадами по информатике.

Глаза его загораются инновационным азартом, когда он смотрит на унифицированный диплом выпускника вуза. Кому же неизвестно, что одинаковые дипломы очников, вечерников, заочников не означают одинаковость их профессиональной и общенаучной подготовки. Каждая форма обучения имеет свои преимущества и ограничения. Их следует учитывать в учебном процессе, а не стремиться к иллюзорной унификации компетенций всех выпускников. Это чистая симуляция (если под симулятором понимать знак, обозначающий то, чего нет).

Реквалификация и переподготовка дипломированных библиотечных практиков должна стать приоритетным направлением деятельности вуза.

3. Демократизация библиотечной жизни

Соколов, как когда-то Чехов, всю жизнь по капле выдавливал из себя раба. Его главная заслуга состоит в том, что он из самого себя сформировал свободного, а, значит, – красивого человека.

И чем больше он подавлял в себе «тварь дрожащую» (Ф. Достоевский), тем нестерпимее

ему было смотреть не складывающийся в вузе режим деспотического администрирования, а то и просто самодурства. Прием и увольнение преподавателей, набор студентов, образование и преобразование кафедр решались одной инстанцией – ректором. Ученые советы вырождались в декоративные научные общества при номенклатурных Чингиз-ханах.

Сделаем паузу. Подавляющее большинство из нас – рыцари на час. «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано» (Н. Некрасов). Речь Соколова никогда не расслаивалась. Не было у него одних слов для модных тогда кухонь, других – для улиц. Он сумел и порыв свой перевести в поступок. Он во весь голос сказал «нет» складывающейся авторитарной системе. Это были момент истины, минута славы в его личной биографии.

Сокрушительной критике подверг Соколов и идеологизированную библиотечную сеть. СССР создал Великую Библиотечную Державу, но он и осквернил ее тоталитаризмом. Страна пережила библиоцид (физическое уничтожение немарксистской литературы) и его мягкий вариант – заключение неудобных книг в спецхраны. Библиотечный архипелаг ГУЛАГ ждет своих исследователей. Еще до конца не исследовано, как человек, утоливший жажду из библиотечного колодца тех лет, превращался в коммунистического козленка.

Сегодняшний день несет новые проблемы, которые острый ум Соколова обозначил как разбиблиотечивание общества. За этим термином скрывается политика свертывания библиотечных сетей. Практически распались сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Одним словом, рушится «галактика Гутенберга».

В мировом рейтинге Россия перестала занимать лидирующее место как читающая страна. Наступило культурное опустынивание. Люди вкусили «сладкую свободу нечитанья» (Е. Евтушенко).

Разбиблиотечивание – явление многослойное. Оно не сводится к механическому сокращению библиотек. Его ядовитые испарения заразили и те библиотеки, которые пока еще здравствуют. Это выражается в утере библиотекой библиотечной специфики. Судите сами. Министр культуры рассказал о своем видении будущего российских библиотек: они должны превратиться в досугово-образовательные центры. В сущности, они уже становятся такими. В Центральной публичной библиотеке

им. В. В. Маяковского (библиотечное лицо города) создан мультимедийный центр. Библиотека обучает желающих компьютерной грамотности, иностранным языкам, оказывает юридические услуги и даже информирует посетителей о бесплатной медицинской помощи. Во дворе библиотеки действует «Парк интеллектуальных развлечений». «Библионочь» – новое шоу книжного храма. Хотя сегодня возведение библиотеки в ранг храма даже как фигура речи выглядит неуместно. Церковь все-таки осудила панк-молебен в своих стенах. Библиотеки готовы все пустить на распродажу.

Но вернемся к Соколову. Он четверть века назад предвидел нынешний сценарий развития. Четверть века назад он говорил, что привлекать людей в библиотеку надо не компьютерными играми и видеосалонами, а книжными фондами и духовным общением читателей. В библиотеке должен остаться культ книги, атмосфера книжности, библиомании.

Всякий врач знает, что надо не только ставить правильный диагноз, но и установить причину заболевания. Социальный терапевт Соколов первооснову общественного недуга увидел в министерском самодержавии. Огосударствление библиотек и учебных заведений ведет к беспределу. Способ хозяйствования, когда собственниками и хозяевами являются ведомства, а не трудовые коллективы, неизбежно ведет к кризису. Коренная перестройка библиотечной системы возможна только тогда, когда библиотеки и учебные заведения станут независимыми от ведомственного диктата, самостоятельными и реально взаимодействующими друг с другом партнерами.

Удивительно ли, что Соколов обосновал новую, ранее не известную форму управления – Библиотечный социальный институт (БСИ). По мысли Соколова, БСИ включает в себя сферу библиотечной практики, сферу управления, образования и профессиональную печать. Особое место в БСИ занимали библиотечные общества как органы общественного самоуправления. Отсюда – рукой подать до создания концепции общественно-государственного управления библиотечным делом.

Показательна реакция общественности и ведомства на деятельность Соколова. Библиотечный мир признал его «своим» («наш, только наш» по Чуковскому) и избрал президентом только что возникшего Ленинградского (Санкт-Петербургского) библиотечного общества. А вот Ученый совет ЛГИК в штыки воспринял его нелюбимую критику. В 1992 г. ему было отказано в праве занимать профессорскую должность на очередной конкурсный срок.

«Но поражение от победы ты сам не должен отличать», – учил Пастернак. Без работы Соколов, конечно, не остался. Перед ним гостеприимно раскрыли двери Библиотека Академии наук, Гуманитарный университет профсоюзов. Его избрали почетным профессором Московского государственного университета культуры и искусств, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Имя его обростало легендой, стало паролем, по которому люди находили и узнавали друг друга. Квартира превратилась в клуб, где лучшие люди обсуждали, как жить не по лжи. Когда он появлялся в общественном месте, ему слагали гимн, звоня во все колокола.

Разбитые, было, мечты обрели снова силу высоты. Ситуация в Альма Матер изменилась, и он принял приглашение вернуться в родной вуз.

4. Богатырь текста

Соколов пишет книги не ради наград, званый, а потому, что болит душа. И он верит в преобразующую силу слова. Так это или не так? У верующего человека здесь нет вопроса: в начале было слово. Но и у светского читателя найдутся убедительные аргументы. Платон, к примеру, говорил, что Гомер воспитал всю Грецию. Сошлюсь на собственный опыт. Помню хорошо, как полвека назад вышел номер «Нового мира» с повестью Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Произведение писателя изменило сознание страны. Поэт Вознесенский был убежден, что в эпоху застоя Высоцкий был создан Богом для того, чтобы вывести сознание общества в новые неведомые просторы. Он сделал для формирования поколения больше, чем вся система образования. Наконец, совсем невероятное, – И. Бродский в Нобелевской лекции размышлял, не заменит ли государство библиотекой?

Придется-таки поверить Соколову и согласиться, что книги правят миром.

Книг Соколов написал много. «Ни дня без строчки», – сформулировал свое жизненное кредо Ю. Олеша. Ни дня без нескольких листов текста, – ответил ему Соколов. Пауз он не делает. После каждой новой книги бежит к столу писать очередное исследование. Кажется, он подпитывается, заряжается от самого процесса работы над книгой. Сегодня в его персональной библиографии 578 научных публикаций. Из них 35 учебных пособий и монографий.

Разговор о творчестве Соколова хотелось бы начать с его книг о русской интеллигенции. Он из тех, кому на роду написано создать катехизис этого самого таинственного персонажа отечественной истории, потому что сам Соколов –

ярко выраженный тип книжника-интеллигента. И его книги, в сущности, – его автопортрет.

В Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов Соколов читал авторский курс «Теория и история социально-культурной деятельности»¹. Курс сделал его историком русской интеллигентности. Из инженера-книжника он стал интеллигентом-книжником.

Соколов стоит у истоков новой научной дисциплины – интеллигентоведения². Споры о концепте интеллигенции будут существовать всегда. Может быть, это и хорошо. Нет ничего скучнее бесспорной истины. Когда все шагают в ногу, мост обрушивается (А. Галич).

Выскажу свои соображения. Считаю, что Соколов правильно сделал, развеял понятия интеллектуальности и интеллигентности, интеллектуала и интеллигента. Может быть, самое краткое и точное определение интеллигенции дал «последний римлянин» Бозций (480–524). «Божественный разум», – писал он об интеллигенции.

Соколов близок к этой трактовке. Этическое самоопределение, – считает он, – отличает интеллектуала от интеллигента. Образованность, креативность, соединенная с этическим самоопределением, – вот формула русской интеллигенции. Россия выстрадала эту прослойку. В истории России Соколов обнаружил двенадцать поколений русской интеллигенции.

Ее завтрашний день зависит от того, сможет ли она преодолеть фаустовские соблазны, беспощадный рационализм фаустовского человека XXI в.

С начала 1990-х гг. Соколов начал разрабатывать метатеорию социальной коммуникации и теорию библиотечно-информационной деятельности. «Метатеория», т. е. «теория теорий», редко встречается в обществоведении, но в трудах Соколова – это ключевое слово. Еще в 1970-е гг. он смутил библиотечную общественность метаретической концепцией социальной информатики, разрабатывающей междисциплинарные закономерности библиотечной, библиографической, информационной деятельности. Сегодня социальная информатика занимает видное место в системе информационных наук.

В 1990 г. на библиотечном факультете Соколов в инициативном порядке стал читать курс «Социальные коммуникации», и ему снова потребовалось понятие метатеории, чтобы определить место и роль этого курса в библиотечном образовании. Коллеги из других вузов культуры быстро оценили научно-педагогический потенциал метатеории социальной коммуникации, и этот курс был включен в число базовых профессиональных дисциплин, предусмотренных образовательными стандартами второго и тре-

тьего поколения. Для обеспечения учебного процесса Соколов счел своим долгом подготовить учебные пособия: «Эволюция социальных коммуникаций» (1995), «Введение в теорию социальной коммуникации» (1996), «Социальные коммуникации» (2001), «Метатеория социальной коммуникации» (2001), «Общая теория социальной коммуникации». В настоящее время ему поручена подготовка учебника для бакалавров «Социальные коммуникации», соответствующего требованиям стандарта третьего поколения.

Характерная черта научного творчества Соколова – стремление заглянуть в будущее, где просматриваются смутные контуры информационного (постиндустриального) общества³. Футурология, как известно, – это сплав эрудиции, интуиции и фантазии. В 2012 г. Соколов представил три футурологические монографии: «Информационное общество в виртуальной и социальной реальности»⁴, «Российские библиотеки в информационном обществе»⁵, «Библиотека и гуманизм: миссия библиотеки в глобальной техногенной цивилизации»⁶. Главный вывод, к которому пришел футуролог Соколов, можно сформулировать так: книги и библиотеки сохранятся в грядущем информационном обществе только при условии, что они сумеют взять на себя **социальную миссию гуманистического оплота нации**. И снова есть повод для дискуссии вокруг идей неугомонного профессора.

5. Последние святые на Руси

Так называл библиотекарей Д. С. Лихачев. Памятника святому на Руси нет. В самый раз задуматься о памятнике Библиотекарю. Наверное, это должна быть не слишком молодая женщина в ситцевом синем халате. Так, по крайней мере,

видится она Соколову, так он ее воспел: «Синенький скромный платочек, / Ситцевый синий халат, – / Это наш вечный / Библиотечный / Неизносимый наряд». Наряд самого Соколова – его книги. Может быть, памятник должен быть в виде книги в древнерусской трактовке, когда человек и книга составляли некое двуединство. В этом двуединстве не столько человек владеет книгой, сколь книга человеком.

У Евг. Винокурова сказано: мальчик, прочитавший мое стихотворение, посмотрит на мир моими глазами. Люди, прочитавшие книги Соколова, прослушавшие его лекции, смотрят на мир его глазами.

Сейчас очень модно составлять список книг из ста произведений, которые должны быть прочитаны каждым россиянином. В нем, конечно, должны быть и книги Соколова.

Я верю, что придет время, когда народ не Блюхера, и не милорда глупого, а Соколова мудрого с базара понесет.

Примечания

¹ Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности. СПб.: СПбГУП, 2003. 203 с.

² Его же. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. 344 с.; Его же. Поколения русской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 2009. 672 с.

³ Его же. Философия информации: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2010. 365 с.

⁴ Его же. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб.: Алетейя, 2012. 349 с.

⁵ Его же. Российские библиотеки в информационном обществе. М.: Литера, 2012. 400 с.

⁶ Его же. Библиотека и гуманизм: миссия библиотеки в глобальной техногенной цивилизации. СПб.: Профессия, 2012. 400 с.